

БЕССМЕРТИЕ

Этого нельзя забыть.

Из-за бугра, прямо на нас, вылетает тройка коней, врежется в толпу обмятых паникой людей. Необыкновенный человек, с лихо закрученными усами, в заломленной папахе, встает во весь рост. Левой рукой он держится за поручень пролетки. Правая рука высоко поднята, энергичным жестом он останавливает толпу.

— Стой! Куда?!

И вот уже кажется, что ничего нет вокруг — ни зала кинотеатра «Художественный», ни Арбатской площади, по которой с настойчивым звоном медленно движется красный трамвайчик, ни оставшихся недоделанными из-за этого побегов в кино школьных задачек.

Есть только он — Чапаев, с его удивительно заразительной интонацией, притягивающим, как магнит, обаянием, с короткими афористичными фразами, многие из которых мы, ребяташки предвоенной Москвы, знали уже наизусть...

О Бабочкине написано немало. Рассказывать о его жизни, анализировать его роли, постановки, комментировать высказывания — дело исследователей, искусствоведов. Я могу лишь попытаться поразмышлять о том, чем был Борис Андреевич в жизни моего поколения, в творческой судьбе моих сотоварищей по искусству.

Мы были свидетелями зрелости замечательного актерского поколения. Уланова и Бучма, Николай Симонов и Марецкая, Грибов и Тарасова, Черкасов и Хорава, Вабанова и Козловский... Какое великодушное созвездие!

И все же в ряду этих и многих других прекрасных имен у Бориса Бабочкина было особое место.

К 75-летию со дня рождения Б. А. Бабочкина

Такую прижизненную славу, такое высочайшее признание, какое было в народных массах у Бабочкина, пожалуй, редко кто имел.

Бабочкин был прекрасным актером, то есть прежде всего мастером сценического перевоплощения, и все же не только зрители, но и мы, работники искусства, знавшие Бориса Андреевича в течение десятилетий, относились к нему по-особому, не как к другим. Необыкновенно трудно было отрешиться от сознания, что Бабочкин — это Чапаев.

И все же для всех нас, навсегда связавших Бабочкина и Чапаева воедино, Борис Андреевич остался не только Чапаевым.

Он был пытливым, никогда не успокаивающимся, ищущим, непримиримым и искренним Художником театра и кино.

О довоенной работе Бабочкина в Ленинграде мы — более молодое поколение — знаем по рассказам. Мне лично приходилось об этом слышать от замечательного режиссера и кинодраматурга Л. О. Арнштама, в первых фильмах которого — «Подруги» и «Друзья» — Борис Андреевич создал прекрасные образы; от кинооператора А. Н. Москвина; от одного из основателей Ленинградского ТЮЗа, выдающегося педагога, профессора Л. Ф. Макарьева и многих других. Все они рассказывали о Бабочкине, как о человеке ярком, самобытном, требовательном к своему искусству. Именно в те далекие годы, работая в Академическом театре драмы (ныне театр драмы имени А. С. Пушкина) и Большом драматическом театре имени Горького, Бабочкин начал сочетать свою

актерскую работу с деятельностью режиссера и педагога. По общему признанию, наиболее значительным было тогда исполнение Бабочкиным роли Власа в горьковских «Дачниках» — глубокое, тонкое, свежее по мысли и краскам, а сама его постановка, безусловно, была первооткрывательской в процессе освоения советским театром драматургии Горького. Это исполнение подтвердило, что Бабочкин — не актер одной роли, а художник, способный открыть еще многое в искусстве.

Московский период Бабочкина проходил уже на глазах моего поколения. Хорошо помню, как в напряженные дни подготовки к государственному экзамену вместе с моими товарищами по ГИТИСу бегали мы в молодой театр-студию киноактера, чтобы посмотреть прекрасно поставленные Бабочкиным «Бранденбургские ворота» Светлова. Потом он поразил Москву в «Тенях» Салтыкова-Щедрина (театр имени Пушкина), создав сложный образ умного и подлого карьериста — чиновника Клаверова...

Свежи в памяти роли и спектакли, созданные Борисом Бабочкиным за долгие годы его работы в Малом театре. Здесь и чеховский Иванов, сыгранный с огромной внутренней болью и раскрытый Бабочкиным глубоко и оригинально, здесь и роль в «Правда хорошо, а счастье лучше», исполненная мудрости и юмора, здесь и «Гроза», и публицистически заостренная постановка «Дачников».

Поразительны были работы Бабочкина для телевидения, особенно «Плотничкине рассказы» (Василий Белов) и «Скучная история» (А. П. Че-

хов). Борис Андреевич ухватил, думается, самую суть телевизионного театра, в котором так важна острая художественная наблюдательность актера и высокая публицистичность в раскрытии сути произведения...

Разумеется, он был наделен от природы большим талантом. Но этот талант у Бабочкина помножен на высокую гражданственность. «Чапаев» был для него не только очередной ролью, образом. Борис Андреевич вспоминал, что он вырос в тех же местах, где воевала 25-я Чапаевская дивизия, служил в годы комсомольской юности в политотделе 4-й армии Восточного фронта (куда входила Чапаевская дивизия), пел те же песни, которые пел Чапаев, знал тот простой и колоритный язык, которым говорил народ, умел сам носить папаху так, «чтобы она неизвестно на чем держалась».

И для него эта роль была выражением своего отношения к событиям и людям великой революционной эпохи.

Такой же осмысленностью и наполненностью отличались и Иванов, и Клаверов, и Достигаев, и Олеса Смолин, и профессор Николай Степанович, в каждом из которых он выявлял социальную суть и современное звучание.

И другое. Борис Андреевич был Личностью.

Он не мог фальшивить, «конъюнктурить», угождать и угадывать. Он шел своим путем художника революции, для которого принципы ее искусства были незыблемы и святы.

Бабочкин всегда был принципиальным человеком, борющимся с театральным и

кинематографической рутинной.

Приведу лишь один пример. Работники кино знают, сколь дурна практика так называемых «кинопроб на роли», когда актер на первой же, скоропалительной, пробе должен выдать результат, к которому можно подойти лишь в итоге большой и сложной работы. Бабочкин, испытывавший все это на себе, с трибун и в печати доказывал, что практику эту надо решительно изменить. Доказательно, аргументированно он утверждал с присущей ему страстностью, что «существующая у нас практика состязания нескольких актеров в пробе на одну роль, несмотря на кажущуюся целесообразность, на самом деле является бесплодной. На фильмах последних десятилетий эта практика наложила отрицательный отпечаток. Для многих фильмов недостаток заключается в том, что все они как бы разграничены небольшой группой, где амплуа актеров строго разграничены. И все их сценарии написаны в расчете именно на эти заранее известные амплуа. Тут уж не жди никаких неожиданностей!»

Как актуально звучат эти слова, написанные почти 15 лет назад, и как жаль, что к голосу Бабочкина не прислушались и по сей день. И, наконец, Бабочкин был

Мастером. Он не признавал «бормотального» реализма. Его как исполнителя всегда характеризовала яркость и самобытность интонационного рисунка роли, отточенность внешнего облика действующего лица, тщательная отбранность каждой детали и всего комплекса выразительных средств, а трагическое и драматическое всегда жило у него рядом с юмором и лиризмом. Бабочкин не признавал типажности и дилетантизма в мастерстве артиста, он был высоким профессионалом в своем искусстве.

Пройдут долгие годы, а Бабочкин будет жить. Десятки и сотни раз отреставрируют негатив фильма «Чапаев», и новые и новые поколения будут испытывать высочайший духовный подъем, когда всадник в черной бурке и лихо заломленной папахе бешеным карьером полетит навстречу казачьей лаве, чтобы повернуть ее вспять...

Когда-то Николай Погодин написал: «Чапаев» принадлежит к произведениям неумирно...

Да, это так. И создателю этого образа Борису Андреевичу Бабочкину выпала завидная судьба: он — актер, обретший бессмертие.

Людмила КАСАТКИНА,
народная артистка
СССР.